

От редакции: *Шшишков Александр Семёнович (9 [20] марта 1754, Москва — 9 [21] апреля 1841, Санкт-Петербург) — русский писатель, литературовед, филолог, мемуарист, военный и государственный деятель, адмирал (1824). Государственный секретарь и министр народного просвещения. Один из ведущих русских идеологов, известный*

консерватор, инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 года. Президент литературной Академии Российской. Образование получил в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, в 1772 году окончил корпус в звании мичмана. В 1776 на фрегате «Северный Орел» совершил путешествие, длившееся три года. По возвращении Шшишков был произведен в лейтенанты и с 1779 года преподавал в Морском кадетском корпусе морскую тактику, одновременно занимаясь литературной деятельностью, главным образом переводами. Также составил англо-французско-русский морской словарь. В период русско-шведской войны 1788-1790 годов Шшишков был участником Гогландского (1788) и Эландского (1789) сражений. В 1799 году Шшишков был назначен на почетную должность историографа флота и вскоре стал вице-адмиралом. С февраля 1807 года по инициативе Шшишкова стали собираться литературные вечера, которые с 1810 года стали публичными и получили название «Беседы любителей русского слова». Общество издавало собственные «Чтения в Беседе любителей русского слова», где были опубликованы такие сочинения Шшишкова, как «Рассуждения о

красотах Святого Писания», «Разговоры о словесности» и «Прибавление к разговорам». В 1811 году Шишков написал «Рассуждение о любви к Отечеству». Его сочинение привлекло внимание императора Александра I, и Шишков был назначен государственным секретарем, сменив на этом посту Михаила Сперанского. Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Фактически он выполнил роль главного идеолога Отечественной войны 1812 года. Его манифесты, являясь откликами на все важнейшие события, поднимали дух русского народа и поддерживали его в тяжелые дни поражений. В августе 1814 года он был назначен членом Государственного Совета, а также президентом Российской Академии Наук. В декабре 1823 года Шишкова произвели в адмиралы. В мае 1824 года Александр Шишков стал министром народного просвещения и главнокомандующим делами иностранных вероисповеданий. В разные годы им были написаны книги, среди которых при жизни не изданная книга «Славянорусский корнеслов» с подзаголовком «Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных», из которого явствует, что книга посвящена обоснованию роли русского языка в качестве мирового праязыка. Александр Шишков скончался 21 апреля (9 апреля по старому стилю) 1841 года в Санкт-Петербурге.

* * *

Всяк, кто любит российскую словесность, и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к французскому языку, тот, развернув большую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины, и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка? Кому приходило в голову с плодоносной земли благоустроенный дом свой переносить на бесплодную болотистую землю? Ломоносов, рассуждая о пользе книг церковных, говорит: «таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с Российским, отвратятся и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту от Греческого, и то еще чрез Латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене, и к упадку преклоняют». Когда Ломоносов писал сие, тогда зараза она не была еще в такой силе, и потому мог он сказать: вкрадываются к нам нечувствительно; но ныне уже должно говорить: вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю. Мы в продолжении сего сочинения ясно сие увидим. Недавно случилось мне прочитать следующее: «разделяя слог наш на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей, а четвертую с нашего времени, в которое образуется приятность слога, называемая французами elegance». Я долго размышлял, вподинну ли сочинитель сих строк говорит сие от

чистого сердца, или издевается и шутит: как? нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! совершенное безобразие и порчу оно — образованием! Он именует прежние переводы славяно-русскими: что понимает он под сим словом? Неужели презрение к источнику красноречия нашего славенскому языку? Не дивно: ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством. Но как же назовет он нынешние переводы, и даже самые сочинения? Без сомнения французско-русскими: и сии то переводы предпочитает он славено-русским? Правда, ежели французское слово *elegance* перевести по-русски чепуха, то можно сказать, что мы действительно и в краткое время слог свой довели до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменование сего слова!

Отколе пришла нам такая нелепая мысль, что должно коренный, древний, богатый язык свой бросить, и основать новый на правилах чуждого, несвойственного нам и бедного языка французского? Поищем источников сего крайнего ослепления и грубого заблуждения нашего. Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и ныне есть писатели, достойно сочинениями своими славящиеся; но их так мало в сравнении с другими, что умы молодых читателей гораздо меньше наставляются их писаниями, нежели заражаются и портятся творениями сих последних.

Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно покупают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются? Будучи таким образом воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, которой в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или ученом языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения?

Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего, нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы знаменованию и производству всех частей речи; пристойному употреблению оных в высоком, среднем и простом слоге; различию сих слогов; правильному писанию; красноречивому смешению славенского величавого слога с простым Российским; свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения.

Волтеры, Жан-Жаки, Корнелии, Расины, Молиеры не научат нас писать по-русски. Выуча всех их наизусть, и не прочитав ни одной своей книги, мы в красноречии на русском языке должны будем уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо следовать по стопам великих писателей, но надлежит силу и дух их выражать своим языком, а не гоняться за их словами, кои у нас совсем не имеют той силы. От сего можно сказать безумного прилепления нашего к французскому языку, мы, думая просвещаться, час от часу впадаем в большее невежество, и, забывая природный язык свой, или по крайней мере отвыкая от оного, приучаем понятие свое к их выражениям и слогу. Мы беспрестанно твердим о множестве разного рода книг и превосходных сочинений, изданных французами, и жалуемся, что мало имеем их на своем языке; но те ли способы употребляем, чтоб до них достигнуть, или их превзойти? В самом деле, кто виноват в том, что

мы во множестве сочиненных и переведенных нами книг имеем весьма небольшое число хороших и подражания достойных? Привязанность наша к французскому языку, и отвращение от чтения книг церковных. Французы прилежанием и трудолюбием своим умели бедный язык свой обработать, вычистить, обогатить и писаниями своими прославиться на оном; а мы богатый язык свой, не рача и не помышляя о нем, начинаем превращать в скудный. Надлежало бы взять их за образец в том, чтоб подобно им трудиться в созидании собственного своего красноречия и словесности, а не в том, чтоб найденные ими в их языке, нимало нам не сродные красоты, перетаскивать в свой язык.

Рабственное подражание наше французам подобно тому, как бы кто, увидя соседа своего, живущего на песчаном месте и трудами своими превратившего песок сей в плодоносную землю, вместо обрабатывания с таким же прилежанием тучного чернозема своего, вздумал удобрять его перевозом на оный бесплодного с соседней земли песку. Мы точно таким образом поступаем с языком нашим: вместо чтения своих книг, читаем французские; вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям, многие веки возроставшим и укоренившимся в умах наших, изображаем их по правилам и понятиям чуждого народа; вместо обогащения языка своего новыми почерпнутыми из источников оного красотою, растлеваем его не свойственными ему чужестранными речами и выражениями; вместо приучения слуха и разума своего к чистому Российскому слогу, отвыкаем от оного, начинаем его ненавидеть и любить некое невразумительное сборище слов, нелепым образом сплетаемых. Сверх сей ненависти к природному языку своему и любви к французскому, есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах.

Я уже сказал, что трудно достигнуть до такого в языке своем познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же груду русских и еще церковных книг прочесть, какую он прочитал, дабы уметь высокой славенский слог с просторечивым Российским так искусно смешивать, чтоб высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слоге помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: рыкат, рыгать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова, и тому подобные, не унижая ими слога и сохраняя всю важность оного. Надлежит иметь воображение, изошренное чтением, и память, обогащенную знанием слов, дабы уметь составлять подобные сим стихи:

*Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на Петра.*

Какое подобное падению и шуму волны, падение и шум в стихе! Что может быть величественнее сего описания:

*Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудный при ясном солнце ночи
Верху златых зыбей пловцам сверкают в очи.*

Какое сладкогласие и чистота слога в двух последних стихах! Верьте после сего несомненной истине писателей наших, что ныне токмо образуется прият-

ность слога, называемая французами *elegance*! Везде глубокое знание языка показуется в цветах, рождающихся под живописною кистию сего великого Стихотворца. Подобная сему осмотрительность показывает, с каким тщанием старался он наблюдать ясность и чистоту слога. Во всех его сочинениях видно соединенное с пылким воображением ума сильное в языке знание, которое приобрел он неуслышным в словесности упражнением.

Таковое прилежное чтение Российских книг отнимет у нынешних писателей драгоценное время читать французские книги. Возможно ли, скажут они с насмешкою и презрением, возможно ли трогательную Заиру, занимательного Кандида, милую Орлеанскую девку променять на скучный Пролог, на непонятный Несторов Летописец? Избегая сего труда, принимаются они за самой легкой способ, а именно: одни из них безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых например как: моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа и тому подобных. Другие из русских слов стараются делать не русские, как например: вместо будущее время говорят будущность; вместо настоящее время — настоящность и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русский язык; самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в Российскую словесность, как будто из их службы офицеров теми ж чинами в нашу службу, думая, что они в переводе сохраняют то ж знаменование, какое на своем языке имеют.

Например: *influence* переводят влияние, и несмотря на то, что глагол вливать требует предлога в: вливать вино в бочку, вливает в сердце ей любовь, располагают нововыдуманное слово *sie* по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом на: *faire l'influence sur les esprits*, делать влияние на разумы!?. Подобным сему образом переведены слова: переворот, развитие, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно, и множество других. Главная причина, к какой многие нынешние писатели относят необходимость рабственного подражания их французам, состоит в том, что они, читая французские книги, находят иногда в них такие слова, которым, по их мнению, на нашем языке нет равносильных, или точно соответствующих!.. Что ж до того? Неужли без знания французского языка не позволено быть красноречивым? Мало ли в нашем языке таких названий, которых французы точно выразить не могут? Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробие, чадолюбие и множество сему подобных, коим на французском языке конечно нет равносильных; но меньше ли чрез то писатели их знамениты?

Многие ныне, почитая невежество свое глубоким знанием и просвещением, презирают славенский язык и думают, что они весьма разумно рассуждают, когда изо всей мочи кричат: неужели писать аще, точию, вскую, уне, поне, распудить и проч.? Таких слов, которые обветшали уже и место их заступили другие, толико же знаменательные, конечно нет никакой нужды употреблять; но дело в том, что мы вместе с ними и от тех слов и речей отвыкаем, которые составляют силу и красоту языка нашего. Как могут обветшать прекрасные и многозначашие слова, таковые например, как: *дебелый*, *доблесть*, *присно*, и от них происходящие: *одебелеть*, *доблий*, *приснопамятный*, *приснотекущий* и тому подобные? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие*, *умоделие*, *зодчество*, *багряница*, *вождеделение*, *велелепие* и проч.? Чем меньше мы их употреблять станем, тем беднее будет становиться язык наш, и тем более возрастать невежество наше; ибо вместо природных слов своих и собственного слога мы будем объясняться чужими словами и чужим слогом.